A 296/289

289

А. И. Кирпичниковъ.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

О

П. Я. ЧААДАЕВѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1896.

№ 289.

А. И. Кирпичниковъ.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

о

П. Я. ЧААДАЕВѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи наукъ.

Іюнь 1896. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

2007237585

ИМЕЕТ

Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый
			9 36

627/16—250

Извлечено изъ тома 1-го [1896 г.] 2-ой книжки Извѣстій
языка и словесности Императорской Академ

Новые матеріалы о П. Я. Чаадаевѣ.

Изъ той же папки Румянцовскаго Музея № 1032, откуда мы взяли нѣсколько документовъ, опубликованныхъ нами въ журналѣ «Русская Мысль» (апрѣль нынѣшняго года), печатаемъ 3 интересныхъ письма, изъ которыхъ два первыя дополняютъ очень важнымъ фактомъ біографію «христіанскаго философа»[1]), а третье характеризуетъ его отношенія къ московскимъ литературнымъ кружкамъ.

Два первыя письма писаны «департаментской» писарской рукой и подписаны извѣстнымъ и грознымъ въ то время именемъ *графа Бенкендорфа.*

Первое письмо помѣчено 23 іюня 1833 года и адресовано «Его высокоблагородію Чаадаеву» (въ то время гр. Бенкендорфъ, очевидно, не зналъ имени и отчества своего корреспондента). Вотъ текстъ съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Милостивый Государь.

Письмо ваше ко мнѣ отъ 1-го сего Іюня, я имѣлъ счастіе въ подлинникѣ представить Государю Императору, и Его Величество, всемилостивѣйше соизволяя на поступленіе ваше въ службу, желаетъ, чтобы вы продолжали оную по Министерству Финансовъ.

---

1) П. Я. Чаадаевъ самъ называетъ себя въ письмѣ къ княгинѣ Мещерской отъ 27 мая 1839 г. Oeuvres choisies, стр. 193.

Извѣщая васъ, Милостивый Государь, о таковомъ Его Величества соизволеніи, я покорнѣйше прошу не оставить меня вашимъ по сему предмету отзывомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

вашъ покорнѣйшій слуга

Графъ Бенкендорфъ.

И такъ оказывается, что лѣтомъ 1833 г. П. Я. Чаадаевъ, послѣ того, какъ цензура нашла невозможнымъ допустить печатаніе въ русскомъ переводѣ его Философскихъ Писемъ (см. вышеназванную статью мою въ Русской Мысли), желая такъ или иначе служить родинѣ, черезъ графа Бенкендорфа обратился къ Государю съ просьбою вновь принять его на службу, но уже «по гражданской части», и Государь изъявилъ на это согласіе, указавъ ему министерство финансовъ, очевидно, какъ такое вѣдомство, гдѣ его умъ и образованіе могутъ найти себѣ примѣненіе.

Второе письмо, писанное еще болѣе разгонистой писарской рукой, помѣчено 5-мъ августа 1833 г. и адресовано «Его Высокоб. П. Я. Чаадаеву»:

Милостивый Государь,

Петръ Яковлевичъ!

Получивъ письмо Ваше отъ 15-го минувшаго іюня, и усматривая изъ онаго, что Вы въ приложенномъ при немъ письмѣ Вашемъ на Высочайшее имя упоминаете о несовершенствѣ образованія нашего, я, имѣя въ виду пользу Вашу, не рѣшился всеподданнѣйшаго письма Вашего представлять Государю Императору, ибо Его Величество конечно бы изволилъ удивиться найдя диссертацію о недостаткахъ нашего образованія тамъ, гдѣ вѣроятно ожидалъ одного лишь изъявленія благодарности, и скром-

ной готовности самому образоваться въ дѣлахъ, Вамъ вовсе незнакомыхъ. Одна лишь служба, и служба долговременная даетъ намъ право и возможность судить о дѣлахъ государственныхъ, и потому я боялся, чтобы Его Величество, прочитавъ Ваше письмо, не получилъ о Васъ мнѣніе, что Вы по примѣру легкомысленныхъ Французовъ, принимаете на себя судить о предметахъ, Вамъ неизвѣстныхъ.

Въ семъ уваженіи я счелъ лучшимъ препроводить къ Вамъ обратно всеподданнѣйшее Ваше письмо, которое при семъ и прилагаю, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью,

Вашъ покорнѣйшій слуга

покорнѣйшей слуга

Графъ Бенкендорфъ.

Надо полагать, что писарь описался, обозначивъ письмо Чаадаева 15-мъ *іюня,* а графъ Бенкендорфъ не замѣтилъ этой описки, такъ какъ нельзя допустить, чтобы Чаадаевъ, человѣкъ такой сдержанный и солидный, написалъ второе письмо графу Бенкендорфу съ приложеніемъ «диссертаціи» на Высочайшее имя, не получивъ отвѣта на свое письмо отъ 1 іюня; да и не могъ онъ 15 іюня изъявлять благодарности за согласіе на его поступленіе въ службу, о которомъ онъ узналъ изъ письма, посланнаго изъ Петербурга 24 іюня.

Дѣло, очевидно, происходило такимъ образомъ: 28—29 іюня получилъ онъ письмо графа Бенкендорфа и сейчасъ же принялся работать надъ «диссертаціей» о недостаткахъ нашего образованія и 15 *іюля* препроводилъ ее вмѣстѣ съ письмомъ къ графу Бенкендорфу. Едва ли можно повѣрить, чтобы Бенкендорфъ сочинилъ этотъ суровый отвѣтъ всецѣло на свой страхъ: развѣ онъ рѣшился бы ничего не сказать Государю о письмѣ, ему Государю адресованномъ? Да онъ и не утверждаетъ этого. Возможны два случая: или онъ представилъ «диссертацію» по принадлежности или онъ только разсказалъ о ней Государю. Не

понравилась ли Государю «диссертація» или самый фактъ ея присылки, мы не знаемъ; но можемъ сказать съ увѣренностью, что отвѣтъ графа Чаадаеву былъ внушенъ свыше; такъ, безъ сомнѣнія, понималъ дѣло и самъ Чаадаевъ, который, провинившись такимъ образомъ по службѣ еще до поступленія на нее, повидимому, переписки съ графомъ Бенкендорфомъ не возобновлялъ и въ министерство финансовъ не обращался.

Можно себѣ представить, какую горечь долженъ былъ возбудить въ душѣ самолюбиваго Чаадаева этотъ сурово-насмѣшливый отвѣтъ шефа жандармовъ на его «диссертацію» и его уподобленіе легкомысленнымъ французамъ! Онъ немедленно отвѣтилъ Бенкендорфу учтиво и сдержанно [1]), но, сколько мы знаемъ, онъ никому никогда не говорилъ о своей неудачной попыткѣ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ; можетъ быть, въ раздраженіи онъ уничтожилъ и самую «диссертацію».

Какъ бы то ни было, этой «диссертаціи» въ бумагахъ Чаадаева мы пока не находимъ, но зная его за человѣка, очень стойкаго въ своихъ взглядахъ, безъ труда можемъ догадаться, какія мысли высказывалъ онъ относительно недостатковъ нашего образованія. Исходя изъ убѣжденія, что намъ принадлежитъ будущее [2]), но что пока мы еще совсѣмъ не подготовлены къ нашей великой роли, что у насъ пока даже высшіе классы живутъ лишь нахватанными верхушками западной цивилизаціи, между тѣмъ какъ намъ слѣдуетъ усвоить самую ея сущность, которую могутъ и должны воспринять наши дѣвственные умы (ésprits vierges). Съ Европой не политической, а размышляющей (méditante) мы должны быть поставлены въ самыя близкія отношенія [3]); намъ нужно серьозное и сильное классическое образованіе, но не современное западное, а скорѣе прежнее, которое произвело все то хорошее, что заключается въ современной циви-

---

1) Вѣстникъ Европы, 1871, № 11, стр. 325—326.

2) Le passé n'est plus en notre pouvoir, mais l'avenir est à nous (Apologie d'un fou, стр. 148).

3) Mémoire... pour Jean Kiréjefsky. Oeuvres 159—60.

лизаціи [1]). Чаадаевъ много разъ высказываетъ убѣжденіе, что мы совсѣмъ не знаемъ своей исторіи, а между тѣмъ она (не археологія, а именно размышляющая исторія) намъ крайне необходима для самопознанія и для опредѣленія нашего пути въ будущемъ. Наконецъ у насъ необходимо пробудить религіозное чувство, которое въ настоящее время находится какъ бы въ летаргіи [2]). Эти и подобныя имъ мысли о недостаткахъ нашего образованія Чаадаевъ высказывалъ въ продолженіе всей своей жизни; ихъ, безъ сомнѣнія, высказалъ онъ и въ «диссертаціи». Онъ былъ настолько хорошо воспитанный человѣкъ, что сомнѣваться въ томъ, въ достаточно ли приличной формѣ высказалъ онъ ихъ въ всеподданнѣйшемъ письмѣ, мы не имѣемъ никакого права.

Третье письмо по времени отстоитъ отъ предыдущихъ на 18 лѣтъ. Оно писано на листѣ синеватой почтовой бумаги рукою лица, намъ неизвѣстнаго, но поправлено несомнѣнно рукою Чаадаева. Оно составляетъ черновку письма къ Жуковскому, можетъ быть, диктованную Чаадаевымъ, а можетъ быть списанную съ его черновки, до насъ недошедшей. Вотъ оно дословно:

Басманная 27 мая (1851 г. В. А. Жуковскому).

Многіе, можетъ быть, подобно мнѣ, не благодарили еще Васъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, за доставленіе послѣднихъ трудовъ Вашихъ, но немногіе, думаю, имѣютъ на то такое оправданіе, какое я имѣю. Вы, вѣроятно, помните, что оставили меня, тому кажется десять лѣтъ назадъ, въ домѣ, который тогда уже разрушался отъ ветхости и, по словамъ Вашимъ, держался уже не на столбахъ, а однимъ только духомъ. Съ тѣхъ поръ продолжаетъ онъ спокойно разрушаться, стращая своимъ косымъ видомъ меня и моихъ посѣтителей. Вотъ одно изъ тѣхъ смѣшныхъ обстоятельствъ моей смѣшной жизни, а ихъ много, которыя иногда поневолѣ отвлекаютъ меня отъ исполненія пріятнѣйшихъ обя-

---

1) Тамъ же, стр. 157. 2) Тамъ же, стр. 158.

занностей. Но всетаки винюсь передъ Вами съ тѣмъ однакожъ, чтобъ выслушали меня о другомъ дѣлѣ, которое пусть послужитъ и выраженіемъ моей запоздалой благодарности.

На дняхъ показывалъ мнѣ Булгаковъ письмецо Ваше о нашихъ московскихъ продѣлкахъ. Знаете ли, какое впечатлѣніе произвели на меня эти немногія строки? Онѣ грустно напомнили мнѣ о моихъ утратахъ; онѣ напомнили мнѣ, что уже никого нѣтъ средь насъ, кто бы могъ пожурить насъ, надъ нами посмѣяться съ нѣкоторымъ *авторитетомъ*, т. е. съ пользою. Иныхъ не стало, другіе за горами. Такимъ образомъ пользуемся мы совершенною безнаказанностью, времъ, что ни попало, на словахъ и на бумагѣ, въ пріятельской бесѣдѣ и предъ публикою. Нельзя сказать, чтобъ мы стали глупѣе прежняго, но нельзя, однакожъ, сказать, чтобъ мы стали и умнѣе. Само собою разумѣется, что многое узнали, о чемъ прежде и слуха не было, но что въ томъ прока если все это новознаніе или поражено безплодіемъ, или выражается на какомъ то неслыханномъ нарѣчіи, наводящемъ тоску на читателя. Цензура не учитель; отъ нея ничему не научишься, а вкусу (рц. вкуса) и подавно. Пора бы Вамъ къ намъ пріѣхать, вотъ къ чему идетъ рѣчь моя. Обѣщаетесь быть въ сентябрѣ, но надолго-ли? Если пріѣдете за тѣмъ только, чтобъ на насъ посмотрѣть да полюбоваться, то что въ этомъ будетъ пользы? Нѣтъ, пріѣзжайте съ нами пожить да насъ поучить. Зажились Вы въ чужой глуши; право, грѣхъ! Почемъ знать? Можетъ статься, Богъ и наградитъ Васъ за доброе дѣло и возвратитъ здоровье женѣ Вашей на землѣ православной. Не повѣрите, какъ мы избаловались съ тѣхъ поръ, какъ проживаемъ безъ пѣступовъ. Безначаліе губитъ насъ. Ни въ печатномъ, ни въ разговорномъ кругѣ не осталось никого болѣе изъ той кучки людей почетныхъ, которые недавно еще начальствовали въ обществѣ и имъ руководили, а если кто и уцѣлѣлъ, то дряхлѣетъ въ одиночествѣ ума и сердца. Всѣ у насъ нынче толкуютъ про какое то направленіе: не направленіе намъ нужно, а правленіе. Міръ грамотный, какъ и безграмотный, безъ командировъ жить не мо-

жетъ. Грамотка безъ учителей не водится. Самодѣльныхъ властей у насъ развелось множество, но лицъ съ настоящимъ значеніемъ въ просвѣщенномъ слоѣ общества пока еще не завелось. Разумѣется, когда и было у насъ начальство, то, къ которому и Вы принадлежали, то не всегда его слушались; но все таки присутствіе людей всѣми чтимыхъ не только за дѣла ума, но и за свойства души, было полезно и научало новичковъ скромности. Это слово изчезло...

Пріѣзжайте хоть за тѣмъ, чтобы помочь намъ отыскать его. Страшное дѣло! Никогда не видано было у насъ меньше смиренія, какъ съ той поры, какъ стали у насъ многоглагольствовать про тотъ уставъ христіанскій, который болѣе всѣхъ прочихъ христіанскихъ уставовъ учитъ смиренію, который весь ничто иное, какъ смиреніе. Такъ разумѣли его благочестивые наши предки; такъ разумѣли его святые наставники наши, воспитавшіе землю Русскую. Но вотъ Вамъ примѣръ нынѣшняго нашего смиренія. Одинъ изъ сподвижниковъ возвратнаго направленія написалъ въ прошломъ году драму; хороша ли, дурна ли, не въ томъ дѣло; драма написана во славу того быта, котораго (sic) будто бы сокрушила своенравная воля великаго человѣка, создавшаго, впрочемъ, этимъ же самымъ бытомъ, а этого и довольно для сочувственниковъ автора. Но вотъ ее даютъ на здѣшнемъ театрѣ. И что жъ? Въ день представленія является въ Вѣдомостяхъ статья самого автора, который простодушно въ ней указываетъ на свое рукодѣлье, какъ на образецъ настоящей русской драмы. Замѣтьте, что никого это не изумило, что никто даже и не обратилъ на это вниманія; такъ оно всѣмъ показалось естественнымъ. И не мудрено. Какъ Вы хотите, чтобъ безусловное поклоненіе какой нибудь одной мысли не привело насъ къ поклоненію и тому высокому разуму, который ее породилъ, хотя бы этотъ разумъ и былъ нашъ собственный разумъ или разумъ нашихъ пріятелей. Voilà où nous en sommes. Этотъ авторъ, впрочемъ, милый, умный и благородный человѣкъ, и при иныхъ условіяхъ современной жизни, конечно, бы достигъ высокаго нравственнаго достоинства, а,

можетъ быть, и истиннаго творчества. Но надобно же заплатить дань своему времени: вѣдь и у насъ есть свое время, хотя и не такое безпутное, какъ ваше басурманское время.

Не знаю, показывалъ ли Булгаковъ письмо Ваше нашей чудесной графинѣ; кажется, онъ ей только выписалъ тѣ строки, которыя могли польстить ея авторскому самолюбію. Я взялъ было его у Булгакова съ тѣмъ, чтобъ показать ей все письмо, но не засталъ ея дома. Должно, впрочемъ, признаться, что акаюистъ ея старой плясуньѣ всѣхъ порядочныхъ людей возмутилъ и здѣсь и въ Петербургѣ. Я назвалъ всю эту дурь le culte du jarret и спрашивалъ Ростопчину, какъ это выраженіе перевесть по русски, но она не сумѣла.

На прощанье вторично повторяю челобитье свое о возвращеніи Вашемъ на родину. Худо дѣтямъ жить безъ дядьки. Изъза этого и взялъ перо, отъ котораго, какъ можете видѣть, немного поотсталъ, а то бы не былъ такъ многословенъ. Обнимаю васъ *всѣмъ* [1]) сердцемъ и *всею* [2]) душою.

Что Чаадаевъ не только поправилъ своей рукою это письмо, но и былъ его авторомъ, доказывается находящимся въ той же папкѣ слѣдующимъ письмомъ Ѳедора Глинки, которое вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что Чаадаевъ былъ своимъ письмомъ доволенъ, разсылалъ его своимъ пріятелямъ и думалъ объ его напечатаніи.

6-го марта.

Прекрасно, многоуважаемый Петръ Яковлевичъ! Прекрасно написано письмо Ваше. Я читалъ его съ тройнымъ удовольствіемъ: какъ чистую русскую прозу, какъ поученіе и, наконецъ, какъ очеркъ современныхъ правовъ и литературы. Въ этомъ очеркѣ такъ много истины и самой животрепещущей истины! Впрочемъ письмо Ваше перенесло меня далеко въ отдаленность временъ. Мнѣ показалось, что я слышу Гостомысла, *вызывающаго* Рурика. Такъ и слышишь слова: «Земля наша пространна и богата, да

1) Вписано рукою Чаадаева. 2) Тоже.

нѣтъ въ ней *порядка»!* Будете ли Вы такъ счастливы, какъ Гостомыслъ: пріѣдетъ-ли Рурикъ изъ Баденъ-Бадена [1]) володати русскою землею, т. е. литературою? А худо безъ Рурика! Что разговоръ, то споръ; что споръ, то ссора; а дѣло отъ этого не выигрываетъ. Петербуржскіе нахалы бьютъ московскую усобицу по носамъ и набѣгаютъ, какъ *Половцы*, пользуясь семейными раздорами. Авторитетъ великое дѣло: онъ ставитъ все на свое мѣсто. Теперь у насъ: «кто раньше всталъ, тотъ и капралъ». Всѣ колеса спрыгнули съ осей и всякому колесу хочется на *чужой* оси повертѣться. Вотъ наше положеніе. Вызывайте же, вызывайте Рурика изъ Баденъ-Бадена и напечатайте, непремѣнно напечатайте Ваше мастерское письмо.

Извините, гости пріѣхали, писать больше некогда.

Вашъ покорнѣйшій

Ѳ. Глинка.

Это письмо безъ обозначенія года; но, судя по тому, что оно помѣчено 6 марта, предыдущее же—27 мая 1851 г., а 7 апрѣля 1852 г. В. А. Жуковскаго уже не было въ живыхъ, мы, очевидно, должны отнести его къ 1852 году.

Желая узнать, о какомъ умномъ и благородномъ человѣкѣ *возвратнаго* направленія, столь безцеремонно расхвалившемъ свою драму, идетъ рѣчь въ письмѣ Чаадаева, мы перелистали Московскія Вѣдомости 1850 г. и нашли, что 14 декабря этого года на московской сценѣ въ первый разъ шла 5-актная драма Константина Аксакова: «Освобожденіе Москвы въ 1612 г.», и въ № отъ 14 декабря въ отдѣлѣ «Смѣси» (въ это время литературныхъ прибавленій при Московскихъ Вѣдомостяхъ не издавалось) помѣщена небольшая статья объ этой драмѣ. Статья безъ подписи; но авторъ ея, отказываясь судить о художественныхъ достоинствахъ драмы, съ такой обстоятельностью говоритъ о

1) Извѣстно, что Жуковскій и скончался въ Баденъ-Баденѣ 7 апрѣля 1852 г.

вѣрности историческимъ источникамъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и даже отдѣльныхъ выраженій пьесы, что тождественность его съ авторомъ драмы очевидна. Статья оканчивается такими словами: «Художественный вопросъ мы оставили въ сторонѣ: пусть судятъ о немъ сами зрители. Во всякомъ случаѣ любопытно, какое впечатлѣніе произведетъ историческая русская драма *безъ прикрасъ, безъ фразъ, безъ иностранныхъ героевъ и интригъ, во всей своей простой истинѣ и исторической вѣрности*». Похвальба не особенно назойливая, но очень характерная для уясненія художественныхъ взглядовъ славянофиловъ. Намекъ на графиню Ростопчину и Фанни Эйслеръ не нуждается въ объясненіи.

А. Кирпичниковъ.

2007237585